

святыми мощами принесоша и положиша в прежде помянутой преславной обители со всяким благолепием и узакониша соборне память святого благовернаго великаго князя Александра, иже празднуема бе ноемвриа 23 дне, в вечныя роды праздновать августа 30 в онъ же и пренесения мощей его и свейская браць желаемым окончася миром». ⁴³

Вводная часть нового Жития имеет лишь чисто внешнее сходство с древнерусскими сказаниями о перенесении мощей. Здесь нет типичной для средневековых сказаний мысли о божественной воле, которая через посредство видения или знамения вселяется в сердце праведнику, велит ему найти и перенести мощи святого из одного места в другое. Здесь нет обычных для подобных сказаний перечислений христианских добродетелей святого и чудес, свершенных им. Не рассказывается и о плаче жителей того города, откуда уносятся мощи. Митрополит или епископ, обычный герой подобных сказаний, встречающий мощи при большом стечении народа, со всем чином церковным, со свечами и с кадила и с темьяном, здесь даже не упоминается. При перенесении мощей не случается никаких знамений, никаких чудес, ⁴⁴ здесь воля и желание царского величества определяют все; всем событиям дается реально-историческое, а не сверхъестественное объяснение, начальная часть более, чем другие части нового Жития, принадлежит XVIII веку, представляя собой краткую объяснительную записку по истории Северной войны и перенесения мощей Александра Невского. Тем самым Гавриил Бужинский совершенно ясно проявляет стремление к обновлению стиля старых житийных произведений за счет стиля исторического повествования типа реляций.

Возвращаясь к тексту новой редакции Жития, отметим интерес Гавриила Бужинского к рассказу о поездке князя Александра к хану Батюю в Орду.

Интерес Гавриила Бужинского к этому тексту станет понятнее, если вспомнить, что весь эпизод о хождении князя Александра к Батюю именно в этой редакции впервые появляется из-под пера писателя Василия Варлаама. Последний попытался объяснить более чем странный факт, почему два русских князя, два святых, бывших в Орде примерно в одно и то же время, имели такие разные судьбы: князь Михаил Черниговский был замучен за отказ поклониться солнцу и огню, а князь Александр Невский был отпущен с великою честью. Псковский писатель создает целую легенду о том, что якобы князь Александр также отказался поклониться солнцу и идолам, но был пощажён «чести славы ради его», «красоты лица, величества тела и храбрости». ⁴⁵ Автор Проложной редакции, сокращая этот рассказ, вводит еще мудрый ответ князя Александра Батюю, похожий на ответы князя Михаила Черниговского Батыевым волхвам и Елабуге: «Царю, тебе поклонюся; бог бо почти тебе царством, твари же не поклонюся, яко вся создана суть человека ради. Богу же единому, ему же служу и его же чту, тому поклонюся». ⁴⁶

⁴³ Там же, л. 22 об.

⁴⁴ Ср.: И. А. Шляпкин. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам (с факсимиле рукописи XIII—XIV века). — ПДП, т. X, СПб., 1881.

⁴⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского. Приложение, тексты, стр. 44—45.

⁴⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 2, стр. 57; ср., например: Житие Михаила Черниговского. — В кн.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, приложение, стр. 56, 57 («Тако есть вера христьянская, не поклоняются твари, но поклоняются отцу и сыну и святому духу... тебе, царю, кланяюся, понеже бог поручил ти есть царство света сего»).